

(1) По международной конвенции о Красном Кресте военные, врачи и служащие санитарных частей не имеют права вооружённо участвовать в боевых действиях воюющих. (2) Но однажды доктору против воли пришлось нарушить это правило.

(3) Завязавшаяся стычка застала его на поле и заставила разделить судьбу сражающихся и отстреливаться. (4) Белые шли, наступая. (5) Доктор хорошо их видел, каждого в лицо. (6) Это были мальчишки и юноши из невоенных слоёв столичного общества и люди более пожилые, мобилизованные из запаса. (7) Но тон задавали первые, молодёжь, студенты-первокурсники и гимназисты-восьмиклассники, недавно записавшиеся в добровольцы.

(8) Их выразительные, привлекательные физиономии казались близкими, своими.

(9) Служение долгу, как они его понимали, одушевляло их восторженным молодечеством, ненужным, вызывающим. (10) Они шли рассыпным редким строем, выпрямившись во весь рост, превосходя выправкой кадровых гвардейцев, и, бравирюя опасностью, не прибегали к перебежке и залеганию на поле, хотя на поляне были неровности, бугорки и кочки, за которыми можно было укрыться. (11) Пули партизан почти поголовно выкашивали их.

(12) Доктор лежал без оружия в траве и наблюдал за ходом боя. (13) Всё его сочувствие было на стороне героически гибнувших белогвардейских детей. (14) Он от души желал им удачи. (15) Это были отпрыски семейств, вероятно, близких ему по духу, его воспитания, его нравственного склада, его понятий.

(16) Однако созерцать и пребывать в бездействии среди кипевшей кругом борьбы не на жизнь, а на смерть было немислимо и выше человеческих сил. (17) Шёл бой.

(18) Надо было отстреливаться. (19) И когда телефонист рядом с ним в цепи забился в судорогах и потом замер, Юрий Андреевич ползком подтянулся к нему, взял его винтовку и, вернувшись на прежнее место, стал разряжать её выстрел за выстрелом.

(20) Жалость не позволяла ему целиться в молодых людей, которыми он любовался и которым сочувствовал. (21) И, выбирая минуты, когда между ним и его мишенью не становился никто из нападающих, он стал стрелять в цель по обгорелому дереву. (22) Наконец белое командование, убедившись в бесполезности попытки, отдало приказ отступить.

(23) Фельдшер привёл на опушку двух санитаров с носилками. (24) Доктор велел им заняться ранеными, а сам подошёл к лежавшему без движения телефонисту.

(25) Он смутно надеялся, что тот, может быть, ещё дышит и его можно будет вернуть к жизни. (26) Юрий Андреевич расстегнул на груди у него рубашку и стал слушать его сердце. (27) Оно не работало.

(28) На шее у убитого висела ладанка на шнурке. (29) Юрий Андреевич снял её. (30) В ней оказалась зашитая в тряпицу, истлевшая и стёршаяся по краям сгибов бумажка. (31) Она содержала извлечения из девяностого псалма с теми изменениями и отклонениями, которые вносит народ в молитвы, постепенно удаляющиеся от подлинника. (32) Отрывки церковнославянского текста были переписаны в грамотке по-русски.

(33) В псалме говорится: «Живый в помощи Вышнего». (34) В грамотке это стало заглавием заговора: «Живые помощи». (35) Стих псалма: «Не убоишься... от стрелы летящая во дни» — превратился в слова ободрения: «Не бойся стрелы летящей войны». (36) «С ним есмь в скорби, изму его...» стало в грамотке «Скоро в зиму его».

(37) Текст псалма считался чудодейственным, оберегающим от пуль.

(38) От телефониста Юрий Андреевич перешёл на поляну к телу убитого молодого белогвардейца. (39) На красивом лице юноши были написаны черты невинности и всё простившего страдания. (40) «Зачем?» — подумал доктор.

(41) Он расстегнул шинель убитого и широко раскинул её полы.

(42) Сквозь пройму рубашки вывалились вон и свесились на цепочке наружу крестик, медальон и ещё какой-то плоский золотой футлярчик. (43) Футлярчик был полураскрыт. (44) Из него вывалилась сложенная бумажка. (45) Доктор развернул её и глазам своим не поверил. (46) Это был тот же девяностый псалом, но в печатном виде и во всей своей славянской подлинности.

(По Б. Л. Пастернаку)